

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Черешнева И.А. Трансформация права на информационное самоопределение в эпоху развития искусственного интеллекта и других цифровых технологий: вызовы и перспективы // Юридические исследования. 2025. № 12. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.12.77307 EDN: TTVLDG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77307

Трансформация права на информационное самоопределение в эпоху развития искусственного интеллекта и других цифровых технологий: вызовы и перспективы

Черешнева Ирина Анатольевна

ORCID: 0000-0001-8135-4166

кандидат юридических наук

научный сотрудник; Институт государства и права РАН

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

✉ iachereshneva@gmail.com



[Статья из рубрики "Человек и государство"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.12.77307

EDN:

TTVLDG

Дата направления статьи в редакцию:

16-12-2025

Аннотация: Цель настоящего исследования заключается в рассмотрении трансформации права на информационное самоопределение, впервые сформулированное в практике Федерального конституционного суда Германии, в право на цифровое самоопределение как одного из цифровых прав человека нового поколения, обеспечение которого требует соответствующих духу времени правовых механизмов, в том числе институциональных. В условиях развития искусственного интеллекта и других цифровых технологий, которые приобретают характер фактического принуждения (концепция «код есть закон»), проблема обеспечения права на цифровое самоопределение приобретает особую актуальность, поскольку «на кон поставлены» автономия, свобода и достоинство личности. В этой связи в работе представляются основные вызовы, с которыми сталкивается реализация права на цифровое самоопределение, а также намечаются возможные пути их преодоления. В

исследовании использованы следующие приемы научного познания: анализ, синтез, обобщение, аналогия и др.; применялись системный подход, специально-юридический и сравнительно-правовой методы. В ходе проведенного исследования автор приходит к следующим выводам: 1) право на информационное самоопределение, основанное на идее достоинства и автономии личности, в условиях цифровизации претерпевает качественную перестройку, трансформируясь в право на цифровое самоопределение – цифровое право человека нового поколения; 2) ключевыми вызовами реализации права на цифровое самоопределение выступают информационная асимметрия, ограниченность информированного согласия субъекта данных, парадокс конфиденциальности, недостаточный уровень цифровой грамотности, а также усиление манипулятивного потенциала алгоритмических систем; 3) рассмотрение субъекта данных в качестве экономически и технологически более слабой стороны информационного взаимодействия с цифровыми платформами требует от государства предоставления субъектам данных дополнительных гарантий защиты их прав и законных интересов; 4) обеспечение права на цифровое самоопределение предполагает формирование комплексной системы правовых механизмов, включающей регулирование алгоритмических систем на принципах алгоритмической транспарентности и подотчетности; ограничение манипулятивных технологий и наблюдения; расширение и конкретизацию прав субъектов данных, а также установление дополнительных обязанностей для крупных цифровых платформ.

Ключевые слова:

информационное самоопределение, цифровое самоопределение, цифровые технологии, искусственный интеллект, персональные данные, права человека, автономия личности, цифровые права человека, дискриминация, цифровое неравенство

Кто обладает данными – тот обладает властью [\[1\]](#).

Введение. В условиях стремительного развития цифровых технологий проблема защиты фундаментальных прав человека, шире – автономии личности приобретает новое звучание. В качестве иллюстрации можно привести право на информационное самоопределение, впервые сформулированное в 1983 году Федеральным конституционным судом Германии (далее – ФКС), предметом рассмотрения которого стали положения Закона о переписи населения, профессий, мест проживания и работы 1983 года [\[2\]](#). В своем решении ФКС указал, что «в центре конституционного порядка стоят ценность и достоинство личности, действующей в свободном самоопределении, как звено свободного общества. Ее защите служат – наряду со специальными гарантиями свободы – гарантированные абз. 1 ст. 2 во взаимосвязи с абз. 1 ст. 1 Основного закона всеобщие личные права, которые могут обрести значение именно с точки зрения современного развития и связанных с ним новых угроз человеческой личности (см. BVerfGE 54, 148 [\[153\]](#)) ... по общему правилу, общие личные права охватывают [...] также следующее из идеи о самоопределении право каждого человека самостоятельно определять, когда и в какой мере раскрывать факты личной жизни (см. далее BVerfGE 56, 37 [41 и далее]; 63, 131 [142 и далее]).» [\[2\]](#).

Не случайно свобода в философском и политическом ракурсах определяется как «некоторая идея, отражающая такое отношение лица к своему поведению (действиям, бездействию) и отношение окружающих его субъектов к его поведению, при котором

данное лицо является (признается) основной причиной такого поведения и оно (поведение) непосредственно не обусловлено внешним воздействием.» [\[3\]](#).

При этом, как отмечает Э. В. Талапина, «отправной точкой в подходе Суда послужила кантовская теория моральной автономии личности.» [\[4\]](#). И. Кант рассматривал человека в качестве рационального морального агента, способного устанавливать морально оправданные цели, а также выбирать подходящие средства для их достижения. Из чего складывается человеческое достоинство, обозначаемое как наша «внутренняя ценность» [\[5\]](#). Независимо от личных чувств – утверждал он – человек «обязан уважать достоинство и автономию», т. е. самоопределение других [\[6\]](#). В этой связи термин «самоопределение» зачастую приписывается И. Канту [\[7\]](#).

Цель настоящего исследования заключается в рассмотрении трансформации права на информационное самоопределение в право на цифровое самоопределение как одного из цифровых прав человека нового поколения, обеспечение которого требует соответствующих духу времени правовых механизмов. В условиях развития цифровых технологий (если исходить из магистральных технологических направлений (кластеров), то выделяются: искусственный интеллект, киберфизические технологии, цифровая инфраструктура, цифровые финансы и индустрия 4.0 [\[8\]](#)) эта проблема приобретает особую актуальность, поскольку «на кон поставлены» автономия, достоинство и свобода личности, в этой связи в работе представляются основные вызовы, с которыми сталкивается реализация права на цифровое самоопределение, а также намечаются возможные пути их преодоления. В исследовании использованы следующие приемы научного познания: анализ, синтез, обобщение, аналогия и др.; применялись системный подход, специально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Право на информационное самоопределение представляет собой «право индивида самому решать, кто, что, когда и при каких обстоятельствах будет знать о нем; знание (прозрачность процедуры обработки данных); свободу выбора при обработке своих данных.» [\[9\]](#). Производное от права на свободу человека (согласно ФКС «сбор, хранение и использование личной информации будут угрожать свободе человека») [\[4\]](#) и права на достоинство и автономию личности право на информационное самоопределение расширяется: данные становятся не просто отражением информации о человеке, но и основой для прогнозирования его поведения, профилирования и принятия автоматизированных решений, в том числе управленческих [\[10\]](#). В этой связи традиционные механизмы обеспечения права на информационное самоопределение, которые и так были далеки от совершенства, сталкиваются с серьезными структурными вызовами, обусловленными масштабностью обработки данных и стремительным развитием алгоритмических систем, включая системы искусственного интеллекта (далее – ИИ), что ставит перед правовой доктриной как отечественной [\[4, 11, 12, 13, 14\]](#), так и зарубежной [\[7, 15, 16\]](#) вопрос о трансформации права на информационное самоопределение в право на цифровое самоопределение.

Концепция цифрового самоопределения базируется на философском основании автономии личности – способности принимать информированные и свободные от принуждения решения, «помещенной» в контекст цифрового взаимодействия [\[16\]](#). Она включает в себя контроль над персональными данными, возможность осознанного участия в цифровой среде, а также оказание влияние на технологические инфраструктуры, которые формируют общественную жизнь. Данная концепция тесно

связана с таким понятием, как суверенитет данных, где фокус смещается в сторону юрисдикционных и имущественных прав в отношении данных, в то время как цифровое самоопределение этим не ограничивается, поскольку включает также политическое участие и коллективное управление, осуществляемое в цифровых экосистемах [\[15\]](#).

На фундаментальном уровне концепция цифрового самоопределения опирается на понимание того, что в цифровом обществе индивид и данные не следует рассматривать в качестве отдельных сущностей, напротив, они взаимно формируют друг друга. Поэтому контроль со стороны каждого человека над представлением своих данных фактически является вопросом индивидуальной автономии и свободы [\[7\]](#). В этой связи следует согласиться со следующим пониманием конфиденциальности данных – «это вопрос гражданских прав, свободы самовыражения, свободы от преследований, интересов коллективной автономии, а также того, как личная информация используется для ослабления нашего внимания, нашего психического благополучия и наших общественных институтов» [\[17\]](#).

Укажем, что в отечественной юридической доктрине право на цифровое самоопределение выступает в качестве одного из главных цифровых прав – нового поколения прав человека [\[18\]](#), наряду с «правом на доступ в сеть Интернет и соцсети (право на “цифровую жизнь”); право на защиту персональных данных; право на конфиденциальность (шифрование); право на забвение (право на “цифровую смерть”); право на обеспечение цифрового суверенитета человека; право на цифровой иммунитет индивида» [\[11\]](#); сюда же необходимо, на наш взгляд, включить и право на объяснение, под которым понимается право человека на получение объяснения относительно полученного алгоритмом (как правило, системой ИИ) результата [\[19\]](#). Тем самым рассмотрение права на цифровое самоопределение как цифрового права человека вызывает к жизни проблему реализации и обеспечения этого права, которое сталкивается с определенными вызовами; отметим ключевые.

Во-первых, информационная асимметрия. Развитие цифровых платформ [\[20, 21\]](#), технологий больших данных, ИИ и других цифровых технологий формирует качественно новую среду. С одной стороны, увеличиваются возможности для информационного обмена и коммуникации, с другой – появляется информационная асимметрия между субъектом данных и обработчиками данных, обладающими гораздо большими техническими и аналитическими ресурсами. Так, пользователь, оставляя цифровой след, нередко не осознает масштаб его накопления и возможные способы вторичного использования данных, тем самым становясь уязвимой стороной в информационном обмене. В качестве иллюстрации можно привести алгоритмическое профилирование, которое усиливает дискриминацию, манипуляцию поведением, действие охлаждающего эффекта [\[22\]](#), а также подрывает автономию выбора.

Во-вторых, ограниченность традиционной правовой модели, основанной на принципе информированного согласия субъекта данных, в цифровой среде. Согласие субъекта данных, как правило, является формальным: человек не способен полноценно оценить последствия обработки информации, условия использования сервисов фактически исключают свободу выбора, а сложность понимания функционирования алгоритмических систем (не только для пользователей, но даже для самих разработчиков, так называемая проблема «черного ящика») не позволяет предвидеть конечный результат, который будет сформирован на основе данных.

В-третьих, так называемый парадокс конфиденциальности [\[23\]](#) – «люди, с одной стороны, знают о том, что бесконтрольное распространение персональных данных ставит под угрозу их частную жизнь, но с другой — показывают высокую готовность делиться данными в обмен на предоставляемые им услуги и сервисы.» [\[17\]](#). Как справедливо отмечается в доктрине, «не только технологический ландшафт складывается в пользу операторов [данных], но и у граждан нет стремления к повышению уровня контроля над своими данными» [\[17\]](#); напротив, скорее наблюдается обратная ситуация. В этой связи можно выделить объективный (развитие цифровых технологий) и субъективный (индифферентное отношение граждан к контролю за своими данными) барьеры на пути осуществления права на цифровое самоопределение.

В-четвертых, реализация цифровой грамотности в контексте обеспечения конфиденциальности применительно к поведению человека в сети Интернет. В этой связи в доктрине выделяется несколько аспектов цифровой грамотности, которые оказывают влияния на поведение человека в сети Интернет: 1) знакомство с техническими аспектами Интернета; 2) осведомленность об общих институциональных практиках; 3) понимание текущей политики конфиденциальности. Укажем, что цифровая грамотность играет ключевую роль в продвижении, а иногда и в ограничении активного информационного контроля в сети Интернет. Некоторые пользователи имеют больше возможностей для осуществления контроля, в то время как другие остаются неспособными к активной роли. В этой связи цифровая грамотность должна распространяться на все слои населения в целях содействия активному и эффективному участию пользователей в общественной и экономической жизни [\[24\]](#). Соответственно высокий уровень цифровой грамотности (именно в ракурсе отношения к контролю за своими данными, в том числе онлайн) способствует реализации права на цифровое самоопределение, в то время как низкий уровень выступает в качестве еще одного барьера, усиливающего цифровое неравенство [\[25, 26\]](#).

В результате индивидуальный контроль над данными перестает быть достаточной гарантией информационной автономии, а некоторые исследователи полагают, что такой контроль вряд ли возможен вообще [\[27\]](#). Ситуация усугубляется и тем обстоятельством, что «существование человека в рамках интернет-технологий происходит через опосредованные каналы, которые в большинстве случаев принадлежат частным компаниям или владельцу которых неизвестен. Это создает дополнительные угрозы для комфортной и безопасной деятельности человека в информационной среде, трансформации обязательств государств по защите прав человека в цифровой сфере...» [\[28\]](#). Тем самым мы можем говорить о том, что при взаимодействии с операторами данных, в том числе в лице технологических гигантов, субъект данных предстает в качестве уязвимой стороны информационного обмена. В этой связи особая роль отводится государству. Это вытекает как из ст. 2 Конституции РФ, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года, согласно которой признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства, так и из ст. 7 Конституции РФ, в соответствии с которой Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Укажем, что при анализе правовых позиций Конституционного Суда РФ в части определения содержания принципа социального государства А. В. Габовым, в том числе была выявлена такая задача социального государства, как «защита слабой стороны в

отношении"; к примеру, в Постановлении от 25 мая 2010 г. № 11-П: "...работник представляет в трудовом правоотношении экономически более слабую сторону, что предопределяет обязанность Российской Федерации как социального государства обеспечивать надлежащую защиту его прав и законных интересов..."» [31]. Данная правовая позиция, на наш взгляд, применима и к информационному взаимодействию, особенно с цифровыми платформами [29], в рамках которого пользователь (субъект данных) представляет не только экономически, но и технологически более слабую сторону. В качестве еще одной аналогии можно привести законодательство о защите прав потребителей, которое обеспечивает надлежащую защиту прав и законных интересов потребителя при их взаимодействии с субъектами предпринимательской деятельности – профессиональными участниками рынка.

Сказанное приводит нас к необходимости обеспечения баланса конституционно защищаемых ценностей и интересов, который «является неперенным условием реализации как социальных гарантий [в данном контексте защита слабой стороны], предусмотренных Конституцией РФ, так и экономических свобод.» [3]. Как отмечает Л. фон Мизес, «индивид свободен в рыночной экономике в том смысле, что законы и государство не заставляют его отказываться от автономии и самоопределения в большей степени, чем это делают неизбежные прагматические законы» [30]. Однако в алгоритмическом обществе, т. е. обществе, основу которого составляют цифровые технологии (ИИ, большие данные и др.), на передний план выходит проблема принудительной силы технологий, игнорирование которой чревато далеко идущими последствиями. С учетом того, что программное обеспечение, реализующее алгоритм, представляет собой не просто написанный языком программирования набор строк, а принуждение, которое определенным образом ограничивает поведение людей и их взаимодействие друг с другом в рамках этих технологий (идея Лоуренса Лессига «Код есть закон» или «Код как закон» [31]), защита слабой стороны – пользователя/субъекта данных/человека – это необходимость, обеспечение и реализация права на цифровое самоопределение – инструмент. При этом усилить последний можно с помощью:

- регулирования алгоритмических систем, предусматривающее прозрачность использования ИИ (понятность, объяснимость, доступность) [19], а также алгоритмическую подотчетность;
- ограничения манипулятивных технологий и недопущения тотального наблюдения [32];
- расширения прав субъектов данных и их закрепления как на международно-правовом уровне [11], так и в рамках национальных правовых порядков (право на объяснение, право на оспаривание автоматизированных решений, в том числе принятых с использованием технологий ИИ, в судебном и административном порядке, право на портативность данных, право на забвение);
- установления дополнительных обязанностей в отношении крупных цифровых платформ, оказывающих влияние на общественные процессы.

Трансформация права на информационное самоопределение в право на цифровое самоопределение, как и прежде, предполагает примат интересов личности. Для его полноценной реализации необходимы соответствующие духу времени правовые механизмы, которые будут направлены на снижение информационной асимметрии, купирование или сокращение рисков алгоритмического воздействия (предвзятость, дискриминация, проблема «черного ящика» и др.) и укрепление автономии личности. В

этой связи защита конфиденциальности (в значении «privacy») должна восприниматься как гарантия сохранения достоинства и автономии личности в условиях постоянно увеличивающейся зависимости человека от технологий. Отсюда, в том числе особое значение приобретает развитие институтов надзора, включая создание независимых органов по защите данных, цифровых омбудсменов, а также реализация механизмов, предусматривающих ответственность крупных технологических компаний перед обществом. Такой подход позволит обеспечить реальную, а не декларативную возможность человека контролировать свою цифровую идентичность. В противном случае может возникнуть «угроза создания интрузивной среды, в которой государства и крупные частные предприятия могут осуществлять масштабное наблюдение за гражданами, анализировать и прогнозировать их поведение и даже манипулировать им.» [\[17\]](#).

Заключение. В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, право на информационное самоопределение, основанное на идее достоинства и автономии личности, в условиях цифровизации претерпевает качественную перестройку, трансформируясь в право на цифровое самоопределение – цифровое право человека нового поколения. Данная трансформация обусловлена изменением роли данных: переход от представления информации о человеке к инструменту прогнозирования поведения и алгоритмического принятия решений, в том числе с использованием технологий искусственного интеллекта.

Во-вторых, ключевыми вызовами реализации права на цифровое самоопределение выступают информационная асимметрия, ограниченность информированного согласия субъекта данных, парадокс конфиденциальности, недостаточный уровень цифровой грамотности, а также усиление манипулятивного потенциала алгоритмических систем, что в совокупности приводит к уязвимому положению человека в цифровом взаимодействии и снижает уровень его автономии и свободы выбора.

В-третьих, рассмотрение по аналогии с трудовым законодательством и законодательством о защите прав потребителей субъекта данных в качестве экономически и технологически более слабой стороны информационного взаимодействия с цифровыми платформами требует от государства предоставления субъектам данных/пользователям цифровых платформ дополнительных гарантий защиты их прав и законных интересов.

В-четвертых, обеспечение права на цифровое самоопределение предполагает формирование комплексной системы правовых механизмов, включающей регулирование алгоритмических систем (ИИ) на принципах алгоритмической транспарентности (объяснимость, понятность, доступность) и подотчетности; ограничение манипулятивных технологий и наблюдения; расширение и конкретизацию прав субъектов данных (право на объяснение, право на оспаривание автоматизированных решений); а также установление дополнительных обязанностей для крупных цифровых платформ.

Таким образом, реализация права на цифровое самоопределение должна основываться на примате интересов личности и обеспечении баланса между технологическим развитием, экономическими интересами и фундаментальными правами человека, при активной роли государства в создании институциональных гарантий, включая независимые органы по защите данных, цифровых омбудсменов и механизмы ответственности технологических компаний перед обществом. Только при таком подходе

право на цифровое самоопределение может стать ключом к сохранению автономии человека как в киберпространстве, так и в объективной реальности.

Библиография

1. Veliz C. Privacy is Power: Why and How You Should Take Back Control of Your Data. London: Penguin Random House; 2020. 320 p.
2. Решение Первого Сената Суда от 15.12.1983. 1 BvR209/83, 1 BvR269/83, 1 BvR362/83, 1 BvR420/83, 1 BvR440/83, 1 BvR484/83 / Избранные решения Федерального конституционного суда Германии. М.: 2018. С. 75-86.
3. Габов А. В. Баланс конституционных принципов свободы экономической деятельности и социального государства (на примере правовых позиций Конституционного Суда) // Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом : Сборник научных статей II-ой международной научно-практической конференции, Москва, 22 апреля 2015 года / Под общей редакцией С. Д. Могилевского, М. А. Егоровой. – Москва: ООО "Юстицинформ"; 2015. – С. 109-127.
4. Талапина Э. В. Право на информационное самоопределение: на грани публичного и частного // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 5. С. 24-43. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.5.24.43 EDN: JYVMRV.
5. Кант И. Сочинения в шести томах. М.: изд-во "Мысль"; 1965. (Философское наследие. Акад. наук СССР. Ин-т философии) Т. 4. Ч. 2. 478 с.
6. Kant I. The metaphysics of morals. In: Gregor MJ, ed. Practical Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press; 1997. Available from: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511813306>.
7. Verhulst S.G. Operationalizing digital selfdetermination // Data & Policy. 2023. P. 1-17.
8. Топ-10 цифровых технологий в России и мире. Институт статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ. – URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1000590046.pdf> (дата обращения: 20.11.2025).
9. Вайхерт Г. Защита персональных данных в рамках серии дискуссий. Настоящее будущего. – URL: <https://www.datenschutzzentrum.de/uploads/vortraege/20110224-weichert-datenschutz-moskau-ru.pdf> (дата обращения: 20.11.2025).
10. Талапина Э. В., Черешнева И. А. Правовые проблемы ответственности за государственные управленческие решения с использованием искусственного интеллекта // Информационное общество. 2024. № 6. С. 98-106. EDN: AASLOI.
11. Карташкин В.А. Право на цифровое самоопределение: перспективы международно-правового регулирования // Современное право. 2024. № 9. С. 151-156. DOI: 10.25799/NI.2024.76.88.026 EDN: IJFSUL.
12. Жигарева Ю.С., Смирнова Л.А. Конституционные права человека в цифровом измерении // Законность и правопорядок. 2022. № 2 (34). С. 63-67.
13. Карташкин В.А. Цифровые права человека: международно-правовое и социальное измерения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 4. С. 949-962. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-949-962 EDN: UKXTQM.
14. Костюк Н. Н. К вопросу о праве физических лиц на цифровое самоопределение // Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права : Сборник научных статей к 50-летию кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева. – Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева; 2024. – С. 89-97. EDN: LTIAEA.
15. Remolina N., Findlay M.J. The Paths to Digital Self-Determination-A Foundational Theoretical Framework. URL: <https://ssrn.com/abstract=3831726> (дата обращения:

10.12.2025).

16. Floridi L. The Fourth Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality. OUP Oxford; 2014. 248 p.

17. Карпов С.А. Концепция информационного самоопределения и восстановление баланса сил в сфере обработки персональных данных // Труды Института государства и права РАН. 2024. Т. 19. № 2. С. 113-141. DOI: 10.35427/2073-4522-2024-19-2-karpov EDN: AHEUZL.

18. Талапина Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14, № 3. С. 122-146. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-3-talapina EDN: DYOFJK.

19. Черешнева И. А. Искусственный интеллект в государственном управлении и прозрачность: европейский опыт // Государственная служба. 2022. Т. 24, № 2(136). С. 80-87. DOI: 10.22394/2070-8378-2022-24-2-80-87 EDN: BYXQGB.

20. Габов А. В., Саяпин С.П. Платформенные отношения как предмет правового регулирования // Lex Russica (Русский закон). 2025. Т. 78, № 11(228). С. 9-33. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.228.11.009-033 EDN: DGUVWW.

21. Габов А. В. Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 13-82. EDN: LWDBGO.

22. Roughton L. Informational Self-Determination in Context: Privacy and Data Protection in the Age of Big Data and Surveillance Capitalism: MPhil thesis. Oxford: University of Oxford, School of Law; 2021.

23. Kokolakis S. Privacy attitudes and privacy behaviour: A review of current research on the privacy paradox phenomenon // Computers & security. 2017. Vol. 64. P. 122-134.

24. Park Y.J. Digital Literacy and Privacy Behavior Online // Communication Research. 2013. № 40. P. 215-236.

25. Соловяненко Н. И. Проблемы реализации и защиты прав участников экономических отношений в условиях цифрового неравенства // Государство и право. 2023. № 2. С. 188-193. DOI: 10.31857/S102694520024344-9 EDN: YYIQMJ.

26. Черешнева И. А. Цифровое неравенство: возможные пути преодоления // Образование и право. 2022. № 9. С. 139-144. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-9-139-144 EDN: JNMSQY.

27. Thouvenin F. Informational Self-Determination: A Convincing Rationale for Data Protection Law? // Journal of Intellectual Property, Information Technology and Electronic Commerce Law. 2021. Vol. 12. P. 246-256.

28. Тарасова А.Е., Лысова Я.В. Цифровые права как новое поколение прав человека в системе международного права в сфере прав человека // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2023. Т. 10. № 1. С. 87-95. DOI: 10.18522/2313-6138-2023-10-1-10 EDN: GXRIWD.

29. Соловяненко Н. И. Реализация и защита прав субъектов экономических отношений как компоненты комфортной регуляторной среды цифровой экономики // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19. № 6. С. 112-117. DOI: 10.33693/2541-8025-2023-19-6-112-117 EDN: KTQURK.

30. Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / Пер. с 3-го испр. англ. изд. А.В. Куряева. М.: ОАО "НПО "Экономика"; 2000. 878 с.

31. Lawrence Lessig. Code and Other Laws of Cyberspace. New York: Basic Books; 1999. 297 p.

32. Талапина Э. В. Наблюдение (слежка) и права человека: новые риски цифровой эпохи // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 6(145). С. 123-136. DOI: 10.21128/1812-7126-2021-6-123-136 EDN: EHVBHL.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ на статью: «Трансформация права на информационное самоопределение в эпоху развития искусственного интеллекта и других цифровых технологий: вызовы и перспективы»

1. Предмет исследования - эволюция фундаментального права на информационное самоопределение в условиях цифровой трансформации. Автор анализирует процесс его трансформации в право на цифровое самоопределение, рассматривая философские основания (автономия и достоинство личности), современные технологические вызовы (искусственный интеллект, большие данные, цифровые платформы) и перспективы формирования адекватных правовых механизмов его защиты.

2. Методология исследования

В работе применяется комплексный междисциплинарный методологический подход, сочетающий философско-правовой анализ; сравнительно-правовой метод; системный подход и др. Методологическая база позволяет достичь поставленной цели.

3. Актуальность темы статьи не вызывает сомнений. Стремительное развитие технологий ИИ, доминирование цифровых платформ создают принципиально новые угрозы автономии, достоинству и свободе личности. Исследование трансформации фундаментального права в ответ на эти вызовы весьма актуально.

4. Научная новизна статьи является дискуссионным аспектом, так как проблема трансформации фундаментальных прав в цифровую эпоху, включая право на самоопределение, активно исследуется в современной доктрине. Авторская позиция о переходе от «информационного» к «цифровому» самоопределению отражает современный подход в научной литературе. В этом смысле работу можно скорее охарактеризовать как систематизирующий аналитический обзор и авторскую интерпретацию сложившейся дискуссии.

Основная научная ценность статьи заключается не в открытии абсолютно новой концепции, а в авторской систематизации, продуктивной аналогии и компиляции решений, адаптированных к контексту российской правовой системы. Работа выполняет важную функцию обобщения и концептуализации широкого круга идей, представленных в современной литературе, и предлагает собственный путь их интеграции.

5. Стил, структура и содержание

Статья написана ясным, академическим языком с корректным использованием специальной терминологии. Структура логична и последовательна. Содержание демонстрирует глубокую теоретическую проработанность темы и умение работать с разнородными источниками (от классической философии до современных зарубежных и отечественных исследований).

6. Библиография

Список литературы обширен, репрезентативен и современен.

7. Апелляция к оппонентам

Автор ведет заочную полемику с несколькими оппонентами: с теми, кто полагает, что традиционных механизмов защиты персональных данных достаточно в новых условиях; с исследователями, скептически относящимися к возможности индивидуального контроля над данными; с теми, кто признает нерегулируемым технологическое развитие. Утверждение о необходимости активной роли государства, установления обязанностей для платформ и примата интересов личности представляет собой четкую нормативную позицию.

8. Выводы и интерес для читательской аудитории

Выводы статьи являются логичным завершением исследования, суммируя тезисы о трансформации права, вызовах и необходимых правовых механизмах. Работа представляет интерес для теоретиков права и философов права, специалистов в области информационного и конституционного права, законодателей и правоприменителей

Общий вывод

Несмотря на то, что общая проблематика трансформации прав в цифровую эпоху является активно разрабатываемой, автор демонстрирует глубокое понимание дискуссии и предлагает собственный системный анализ и конструктивные предложения, увязанные с отечественным правовым контекстом. Работа представляет собой добротное аналитическое исследование, вносящее вклад в развитие темы. Рекомендуется к публикации.